

[Автор не установлен.] Профессор Анатолий Алексеевич Спасский:
[† 8 августа 1916 г.]: (С портретом и автографом А. А. Спасского)
[Некролог] // Богословский вестник 1916. Т. 3. № 10/11/12.
С. 2, 1–18 (1-я пагин.).

ПРОФЕССОРЪ
АНАТОЛІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ
СПАССКІЙ.

(† 8 августа 1916 года).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

—
Типографія Св.-Гр. Сергіевой Лавры.
1916.

Въ абхазскій миръ впрямую вѣдѣетъ, какъ
развивалась война въ Абхазіи, и какъ измѣнились
ея условия.

Графъ А. Суворовъ

ПРОФЕССОРЪ

Анатолий Алексѣвичъ Спасскій.

8-го августа 1916 года скончался послѣ продолжительной тяжелой болѣзни ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи, докторъ церковной исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Анатолий Алексѣвичъ Спасскій.

А. А. Спасскій—сынъ священника, родился 9 марта 1866 года въ селѣ Подкубенскомъ, Вологодской губерніи и уѣзда.

Биографія большинства ученыхъ и профессоровъ бываетъ бѣдна внѣшними фактами. Жизнь ученыхъ и профессоровъ протекаетъ въ тишинѣ и уединеніи ученаго кабинета, среди безмолвныхъ книгъ, часто далекихъ отъ шумной дѣйствительности окружающей жизни. Здѣсь своя особая сложная содержательная и интересная жизнь, которую истинный ученый не промѣняетъ ни на какіе шумные успѣхи жизни и дѣятельности. Такимъ дѣятелемъ науки былъ и почившій профессоръ Анатолий Алексѣвичъ Спасскій, двадцать лѣтъ занимавшій въ Академіи кафедру церковной исторіи. Имъ самымъ избранная со студенческихъ дней ученая специальность отрывала его вниманіе и энергію отъ настоящаго и обращала ихъ къ событіямъ церковной жизни отдаленнаго прошлаго. Но не даромъ это прошлое церковной исторіи, составлявшее предметъ многолѣтнихъ научныхъ занятій покойнаго, называется „золотымъ вѣкомъ“. Тогда Церковь кровью мучениковъ свидѣтельствовала свою непоколебимую вѣрность имени Христову. Тогда съ непримѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ лучшихъ богословскихъ силъ отстаивала она вѣру въ Божественное достоинство Спасителя и истину Единосуція Сына и Отца.

Еще студентом покойный избралъ для своего научнаго изслѣдованія тотъ моментъ „золотого вѣка“ православнаго богословія, когда церковная мысль обратилась отъ вопроса тринитарнаго къ вопросу христологическому. На 4-мъ курсѣ Академіи въ 1889—1890 учебномъ году онъ писалъ подъ руководствомъ проф. А. П. Лебедева кандидатское сочиненіе объ Аполлинарій Лаодикійскомъ. Сложная историко-критическая работа о литературной дѣятельности Аполливарія была выполнена—и по строгой оцѣнкѣ А. П. Лебедева—отлично: „сочиненіе г. Спасскаго носитъ типъ научнаго труда и заслуживаетъ похвалы“ (Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи 1890 года, стр. 107—109). Не ограничиваясь рѣшеніемъ поставленной себѣ историко-литературной задачи, молодой ученый проникалъ и въ сущность тѣхъ догматическихъ вопросовъ, среди которыхъ родилось аполлинаріанство. „Не поставляя себѣ цѣлюю это, авторъ однакожь достигъ того, что сочиненіе его служить прекраснымъ пособіемъ для уясненія религіозныхъ споровъ на Востокѣ послѣдующаго V вѣка“. 19-го іюня 1890 года А. А. Спасскій былъ утвержденъ въ степенн кандидата богословія и какъ лучшій (первый по разрядному списку) изъ своихъ товарищей оставленъ былъ при Академіи профессорскимъ стипендіатомъ на 1890—1 учебный годъ. Въ теченіе этого года А. А. Спасскій всецѣло занимался избранной областью научнаго знанія. Изслѣдованіе жизни и литературной дѣятельности Аполлинарія въ связи съ другими обстоятельствами церковной жизни его эпохи, изученіе христологическихъ движеній 4-го вѣка, развившихся подъ воздѣйствіемъ ученія Аполлинарія, и обзоръ христологическихъ воззрѣній церковныхъ писателей первыхъ трехъ столѣтій въ исторической послѣдовательности—вотъ чѣмъ наполненъ былъ стипендіатскій годъ А. А. Спасскаго.

Научные результаты своихъ годовичныхъ работъ онъ описалъ въ обширномъ отчетѣ (Журналы Совѣта за 1891 годъ, стр. 252—279). Замѣчательно, что въ этомъ отчетѣ уже имѣются нѣкоторыя изъ тѣхъ мыслей, которыя черезъ 15 лѣтъ А. А. Спасскій раскрывалъ въ своей докторской диссертацин. Такова, напр., мысль о томъ, что собственно христологи-

ческий интересъ былъ руководящимъ и одушевляющимъ мотивомъ и во время споровъ тринитарныхъ, въ борьбѣ съ арианствомъ (см. Журналы Совѣта за 1891 г., стр. 259—260).

Проф. А. П. Лебедевъ, разсматривавшій отчетъ стипендіата, отмѣчаетъ въ немъ, прежде всего, отсутствіе въ отчетѣ всякой, бьющей на эффектъ, рекламности: отчетъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что стипендіатъ дѣйствительно сдѣлалъ то, что онъ приписываетъ себѣ. Молодой ученый, по свидѣтельству проф. А. П. Лебедева, не обманулъ надеждъ Академіи, оставившей его на годичный срокъ для усовершенствованія въ научныхъ знаніяхъ (Журналы Совѣта за 1891 г., стр. 335). Только потому, что не было въ Академіи свободныхъ кафедръ, А. А. Спасскій не занялъ тогда же профессорской кафедры, и былъ опредѣленъ 19-го іюля 1891 года на должность преподавателя философскихъ наукъ въ Подольскую духовную семинарію. Въ то же время А. А. Спасскій состоялъ преподавателемъ словесности, исторіи русской литературы и педагогики въ Подольскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства. Молодой преподаватель семинаріи привлеченъ былъ и къ епархіальной дѣятельности: состоялъ членомъ Подольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, временно исполняя должность его казначея, принималъ участіе въ устройствѣ временныхъ педагогическихъ курсовъ при Подольской духовной семинаріи въ 1892 году, за что получилъ благодарность Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Но Академія отпустила отъ себя своего талантливаго ученика всего лишь на два года. Какъ только въ 1893 году освободилась въ Академіи кафедра новой гражданской исторіи, Совѣтъ Академіи въ собраніи 1-го мая опредѣлилъ пригласить на эту кафедру А. А. Спасскаго. 17-го августа 1893 года А. А. Спасскій прочиталъ двѣ пробныя лекціи: „Новѣйшая византологія и ея ближайшіе результаты“ и „О причинахъ и характерѣ крестовыхъ походовъ“, послѣ чего и былъ опредѣленъ исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ новой гражданской исторіи. Понятно, что эта кафедра не могла вполне удовлетворять того, кто свои интересы сосредоточилъ на древней церковной исторіи, а потому

и не удивительно, что А. А. Спасскій оставался на кафедрѣ повоі гражданской исторіи недолго, всего два съ половиной учебныхъ года. За это время была совершенно закончена работа объ Аполлинаріи и представлена въ срединѣ 1895 года въ Совѣтъ Академіи на соисканіе степени магистра богословія. Въ новомъ переработанномъ видѣ сочиненіе получило и иное заглавіе: „Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго, съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни“. Рецензентами магистерской диссертациі А. А. Спасскаго назначены были профф. А. П. Лебедевъ и И. Н. Корсунскій. Въ концѣ того же 1895 года сочиненіе А. А. Спасскаго было напечатано.

Проф. А. П. Лебедевъ въ своемъ отзывѣ повторилъ всѣ тѣ лестныя сужденія о сочиненіи, которыя онъ высказывалъ еще пять лѣтъ назадъ о работѣ кандидатской. „Въ заключеніе, писалъ проф. А. П. Лебедевъ, съ полною рѣшимостью утверждаю, что разсматриваемое церковно-историческое сочиненіе г. Спасскаго стоитъ на высотѣ тѣхъ требованій, съ которыми можно обращаться къ магистерской диссертациі, достойной этого наименованія“ (Журналы Совѣта за 1895 г., стр. 421). Другой рецензентъ, проф. И. Н. Корсунскій, отмѣтилъ много высокихъ достоинствъ диссертациі: обиліе церковно-историческихъ и литературныхъ данныхъ, поражающую своею обширностью начитанность автора въ области всесторонняго изученія своего предмета, ясность изложенія, строго критическое отношеніе къ ученымъ Запада. По мнѣнію проф. Корсунскаго, книга А. А. Спасскаго представляетъ собою богатый и дорогой вкладъ въ сокровищницу нашей богословской науки (Журналы Совѣта за 1895 г., стр. 425—426). 3-го декабря состоялся магистерскій диспутъ, а 30 января 1896 года А. А. Спасскій утвержденъ въ степени магистра богословія. Въ это время оставилъ службу при Академіи ученый руководитель А. А. Спасскаго проф. А. П. Лебедевъ, перешедшій на службу въ Московскій университетъ. 14-го января 1896 г. на кафедре Лебедева былъ перемѣщенъ А. А. Спасскій, 16 марта утвержденный въ должности доцента Академіи. Съ 13 сентября 1896 года по 23 февраля 1898 г. А. А. Спасскій состоялъ лекторомъ англійскаго языка. 1 де-

кабря 1897 года А. А. был избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каедрѣ. Согласно избранію Совѣта Академіи съ 29 октября 1898 года по 22 марта 1903 года А. А. Спасскій состоялъ редакторомъ академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“.

А между тѣмъ своими научными интересами и работами А. А. Спасскій продолжалъ жить въ избранной имъ области древне церковной богословской мысли. А. А. Спасскій принялъ граждіозный трудъ: написать „Исторію догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ“. Въ концѣ 1906 года вышелъ въ свѣтъ 1-й томъ этого труда, посвященный *тринитарному вопросу, излагающій исторію ученія о Св. Троицѣ*, и былъ представленъ въ Совѣтъ Академіи въ качествѣ докторской диссертации. Рецензентами этой диссертации были профф. М. Д. Муретовъ и А. И. Введенскій. Оба рецензента дали самыя похвальные отзывы о книгѣ А. А. Спасскаго. Проф. М. Д. Муретовъ между прочимъ писалъ: „Охватывая предметъ цѣльно, всесторонне и сосредоточенно, трудъ автора получаетъ отъ этого характеръ авторитетнаго, капитальнаго и необходимаго для всѣхъ изучающихъ данную эпоху руководства, вродѣ пастольной энциклопедіи или солиднаго научнаго курса. Всюду замѣтно, что авторъ вращается въ области предметовъ, долго имъ изучавшихся, духовно имъ пережитыхъ и изъ книгъ и источниковъ уже давно претворившихся какъ бы въ собственное умственное казнохрамилище автора, откуда онъ, какъ полный хозяинъ своего дѣла, свободно и властно, беретъ все, что ему надо въ данный моментъ и для извѣстной цѣли. Авторъ обладаетъ счастливымъ умѣньемъ давать краткія и яркія характеристики лицъ, партій и школъ, ихъ взглядовъ, настроеній,—подчеркивать характерныя детали, бросающія общій свѣтъ на цѣлыя группы явленій,—рисовать историческія перспективы, группировать и концептрировать доказательства, раскрывать генетическую и логическую связь идей и событій“ (Журналы Совѣта за 1907 г., стр. 39). „Не нужно быть спеціалистомъ, писалъ проф. А. И. Введенскій, чтобы оцѣнить по достоинству тѣ мастерскія, запечатлѣныя печатью несомнѣннаго историческаго таланта, страницы диссертации, на

которыхъ проф. А. А. Спасскій, отстранивъ увѣренной рукою знатока ложныя научныя гипотезы, предлагаетъ свое рѣшеніе того или другого запутаннаго вопроса. Впечатлѣніе здѣсь получается приблизительно такое же, какъ и у путника, который, проблуждавъ долгое время въ лѣсной чащѣ, по капризу извивающимся троинкамъ, и почти уже утративъ надежду изъ нея выбраться, вдругъ очутился у выхода, на открытомъ просторѣ съ широкой перспективой. Если церковная исторія доживетъ у насъ, на Руси, когда-нибудь до того времени, до какого уже давно дожили другія области исторической науки,—до того времени, когда будутъ появляться и въ этой спеціальной области не только хорошія диссертациі, какихъ уже и теперь достаточно, и не только плохіе учебники, въ которыхъ, къ сожалѣнію, также недостатка у насъ нѣтъ, но и умѣло составленныя хрестоматіи, то я думаю, что многія страницы изъ диссертациі проф. Спасскаго войдутъ туда—и по достоинству!“ (Журналы Совѣта за 1907 г., стр. 47—48). Согласно съ отзывами рецензентовъ, Совѣтъ Академіи 12 апрѣля 1907 года удостоилъ проф. А. А. Спасскаго ученой степени доктора церковной исторіи и съ того же числа онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Академіи.

Съ 26 октября 1910 года по 15 сентября 1915 года А. А. Спасскій состоялъ предсѣдателемъ библіотечной комиссіи, а съ 11 января 1912 г. до конца академической службы былъ членомъ Правленія Академіи.

Таковы краткія біографическія свѣдѣнія о почившемъ профессорѣ, но уже и по этимъ немногимъ даннымъ можно видѣть, что А. А. Спасскій всю свою жизнь безраздѣльно принадлежалъ Академіи. Въ Академіи для него не было никакихъ интересовъ. Въ лицѣ А. А. Спасскаго все привыкли видѣть челоуѣка, всецѣло преданнаго наукѣ. Онъ всегда работалъ, неустанно слѣдилъ за движеніемъ своей науки, немедленно выписывалъ новинки церковно-исторической науки, всегда былъ въ курсѣ своей сложной науки. Уже тогда, когда сведшая его въ могилу болѣзнь начала мучительно заявлять о себѣ и вынуждала отдыхать отъ научныхъ трудовъ и возстановлять силы болѣе или менѣе продолжитель-

ными курсами систематическаго леченія,—и тогда трудно было А. А. удержать отъ книгъ и ученыхъ занятій. Лишь только большой профессор начиналъ чувствовать себя бодръе, онъ тотчасъ еще дрожащими руками брался за книги, просматривалъ каталоги повѣдшихъ изданій, отмѣчалъ и выписывалъ то, что его интересовало. „Нужно заниматься. Нельзя. Я за время болѣзни отъ науки отсталъ“. Такъ говорилъ А. А. тѣмъ, кто предлагалъ ему не спѣшить возвращаться къ научнымъ занятіямъ. А. А. постоянно и непрерывно жилъ интересами науки. Даже въ минуты отдыха, при всякихъ обстоятельствахъ и во всякой обстановкѣ, подходящей и неподходящей, благовременно и безвременно—всегда А. А. готовъ былъ вести научный разговоръ, научный споръ. Въ рѣчи падъ гробомъ своего учителя А. П. Лебедева онъ самъ вспоминаетъ о тѣхъ ученыхъ бесѣдахъ, какія вели они съ нимъ во время прогулокъ по окрестностямъ Сергіевского посада, особенно по линіи желѣзной дороги. Понятно, что при такой ученой самособранности, А. А. былъ плодовитымъ работникомъ въ церковно-исторической области. Нельзя не пожалѣть, что тяжелая болѣзнь, уже давно мѣшавшая ученой работѣ профессора, свела его въ могилу преждевременно, всего 50 лѣтъ отъ роду. Только поэтому не имѣемъ мы втораго тома его „Исторіи догматическихкихъ движеній“ и еще многихъ ученыхъ трудовъ почившаго профессора. Далеко не дожившій до маститой старости, А. А. Спасскій получилъ уже полное признаніе въ качествѣ ученаго авторитета въ области церковно-историческаго знанія. Его магистерская диссертация выдержала ученое испытаніе у проф. В. В. Бологова, а докторская диссертация стала рѣдкостью всего чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія на свѣтъ, почему въ 1914 г. было сдѣлано второе изданіе учебной книги. Среди тѣхъ немногихъ книгъ, какія студентъ считалъ пужнымъ увезти изъ Академіи и сохранить на будущее, обыкновенно была и „Исторія догматическихкихъ движеній“. Очень часто бываетъ, что, получивъ ученую степень за первый томъ ученаго труда, и не думаютъ писать втораго. А. А. Спасскій,—известно было,—писалъ и второй томъ, отрывки котораго студенты слышали и на лекціяхъ. Едва ли скоро кто

написать „Исторію догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ“ въ томъ же широкомъ ученomъ масштабѣ, какъ началъ это А. А. Спасскій. Безжалостная смерть, прервавъ жизнь ученаго, прервала и его ученую работу.

Будучи самъ всецѣло предавъ наукѣ, А. А. Спасскій и въ Академіи былъ всегда однимъ изъ руководителей чисто научнаго движенія. Онъ былъ и требовательнымъ профессоромъ, и выдающимся ученымъ руководителемъ, привлекавшимъ молодыя силы къ разработкѣ назрѣвающихъ научныхъ вопросовъ.

Съ требовательностью профессора А. А. Спасскаго студенты прежде всего встрѣчались на приемныхъ экзаменахъ, гдѣ профессоръ никогда не могъ удовлетвориться свѣдѣніями семинарскаго учебника, требовалъ хоть кое-какого знакомства съ существующей церковно-исторической литературой, не выносилъ отвѣтовъ заученныхъ, предпочиталъ разсудительность и пониманіе церковно-историческихъ фактовъ. Вотъ почему поступавшіе въ Академію студенты семинаріи при подготовкѣ къ приемнымъ экзаменамъ особенно много вниманія удѣляли церковной исторіи, и все же, судя по печатнымъ отзывамъ А. А. Спасскаго, онъ рѣдко бывалъ доволенъ познаніями экзаменующихся. Столь же требовательнымъ встрѣчали А. А. Спасскаго студенты и во время академическаго курса. Особенное вниманіе покойный обращалъ на студенческія сочиненія. Онъ желалъ всегда видѣть даже въ семестровыхъ студенческихъ сочиненіяхъ работы ученаго характера, а потому давалъ обыкновенно темы серьезныя, требовавшія труда и знаній. Часто давались темы о вопросахъ, не затронутыхъ въ русской церковно-исторической литературѣ, и пособія предлагались исключительно на иностранныхъ языкахъ. Какъ ни льстилъ студентамъ возвышенный взглядъ профессора на ихъ сочиненія, они иногда отправляли къ А. А. Спасскому депутатовъ съ просьбой дать темы „попроще“, чтобы можно было написать и съ русскими пособіями. Иногда даже для семестровыхъ сочиненій А. А. Спасскій предлагалъ такія темы, которыя сохранялись избравшими ихъ не только для работъ кандидатскихъ, но и для магистерскихъ диссертаций. Писать же А. А. Спасскому кан-

дидатскія работы обыкновенно рѣшались только охотники до серьезныхъ научныхъ занятій; желавшіе же получить кандидатскую степень при минимальной затратѣ энергіи и по линіи наименьшаго сопротивленія никогда не обращались къ предмету церковной исторіи. Вокругъ А. А. Спасскаго всегда создавалась атмосфера серьезной научной работы.

По своимъ научнымъ и церковно-историческимъ взглядамъ А. А. Спасскій былъ либераломъ. Для него выше всего стояла научная истина, какъ онъ ее понималъ. При одномъ случаѣ самъ А. А. Спасскій писалъ, что либерализмъ составляетъ собою необходимое качество всякаго безпристрастнаго изслѣдованія; онъ присущъ каждой наукѣ, и въ особенности дисциплинамъ, изучающимъ человѣческую жизнь. Церковная исторія должна возстаповляться въ ея естественномъ, натуральномъ видѣ, безъ замалчиванія ея темныхъ сторонъ, такъ какъ въ обычномъ теченіи человѣческой жизни пороки и заблужденіе распространены несравненно шире и обильнѣе, чѣмъ святость и добродѣтель (см. юбилейный сборникъ „Памяти почившихъ наставниковъ“, стр. 368—369). Но либерализмъ покойнаго профессора никогда не принималъ какихъ-либо рѣзкихъ формъ. Это былъ либерализмъ чисто научный, такъ сказать принципиальный. А. А. Спасскій не былъ фанатикомъ своихъ взглядовъ и никогда не думалъ пропагандировать ихъ въ широкихъ кругахъ. Тамъ, гдѣ научные источники недостаточны, не можетъ быть безспорныхъ истинъ, тамъ открывается возможность различнаго истолкованія обрывочныхъ данныхъ и разнообразнаго представленія историческихъ фактовъ. Въ такихъ случаяхъ А. А. Спасскій обнаруживаетъ высокую научную терпимость къ инымъ взглядамъ и даже возводитъ эту терпимость въ нѣкотораго рода научное правило: „при недостаткѣ фактическаго матеріала и внутренней неоформленности его, принципиально допустимы самыя разнообразныя комбинаціи и всякая концепція, какъ бы онъ ни казалась основательной, можетъ имѣть значеніе только болѣе или менѣе научно-состоятельной попытки *разъясненія* сложной и затруднительной проблемы и шкониимъ образомъ не претендовать на окончательное рѣшеніе ея“ (Журналы Совѣта за 1909 г., стр. 97). Въ такихъ рассужде-

ніяхъ нельзя не видѣть высокой научной скромности покойнаго профессора. Есть много историковъ, гражданскихъ и церковныхъ, которые при недостаткѣ историческихъ данныхъ строятъ самыя смѣлыя гипотезы и плоды своей фантази выдаютъ за несомнѣнную и безспорную истину. Таковы многіе протестантскіе историки Церкви. А. А. Спасскій далекъ отъ нихъ уже въ силу именно своей научной скромности, а потому и научный либерализмъ его никогда не могъ уподобиться либерализму протестантскихъ отрицателей. А. А. Спасскій научнымъ путемъ искалъ истины, но не былъ отрицателемъ. Церковно-историческія теоріи западныхъ ученыхъ, по мнѣнію А. А. Спасскаго, не обязательны для православной науки. Наряду съ наукой западной имѣютъ право на бытіе наука и богословіе русскія, національно-православныя, посящія характеръ традиціонный (см. Журналы Совѣта за 1909 г., стр. 98).

За послѣдніе годы научная и учебная дѣятельность А. А. Спасскаго начали слабѣть. Болѣзнь (прогрессивный параличъ мозга) часто требовала полнаго прекращенія занятій, а улучшеніе здоровья наступало не надолго. Передъ началомъ 1915—6 учебнаго года А. А. Спасскій рѣшилъ вовсе покинуть академическую службу и 2 ноября 1915 г. былъ по прошенію уволенъ въ отставку. Для большинства выходящихъ въ отставку послѣ отставки начинается время отдыха и покоя, но тѣ мѣсяцы, которые прожилъ А. А. Спасскій въ отставкѣ, были наполнены для него трудомъ и болѣзвью. Послѣдній годъ своей жизни покойный переживалъ неоднократно мучительные удары. Надежды на выздоровленіе уже не было. На рѣдкость крѣпкій организмъ покойнаго только и могъ такъ долго сопротивляться мучительной и тяжелой болѣзни. 8 августа 1916 года А. А. Спасскаго не стало и печальная вѣсть объ его смерти уже не была неожиданной. Академія была въ то время пуста, профессора еще не возвращались изъ лѣтняго отпуска и лишь немногіе изъ сослуживцевъ могли помолиться у гроба почившаго и проводить его гробъ до могилы. 10 августа въ академическомъ храмѣ совершенно было отпѣваніе Преосвященнымъ ректоромъ Академіи епи-

скопомъ Θεодоромъ, управлявшимъ въ то время московской епархіей; ему сослужилъ сонмъ академическаго духовенства. Во время причастнаго стиха была сказана посвященная памяти почившаго рѣчь инспекторомъ и профессоромъ Академіи архимандритомъ Иларіономъ, а передъ отпѣваніемъ сказала рѣчь студентъ 4-го курса Н. А. Соловьевъ. Погребень А. А. Спасскій на академическомъ кладбищѣ, близъ Академіи, которой онъ служилъ, пока не сошелъ въ могилу.

Рѣчь архимандрита Иларіона.

У гроба мѣсто размышлять и воздыхать о суетѣ всего земнаго. Что есть смерть и что есть гробъ? Это—судія неумытный всѣхъ земныхъ дѣлъ человѣческихъ. Смерть даетъ безспорную и окончательную оцѣнку жизни. Церковное пѣнонѣніе, которое мы слышимъ около гроба, указываетъ намъ признакъ того, что въ жизни человѣческой—суета. Все человѣческое, что не пребываетъ по смерти,—суета! Не пребываетъ богатство,—оно—суета! Не идетъ за врата смерти и гроба слава,—она — суета! Приходитъ смерть и все это потребляетъ.

А паука?—хочется спросить невольно, когда стоишь у гроба того человѣка, который въ жизни земной болѣе всего занимался паукой. Наука, она—суета? Или имѣетъ она какую цѣну даже и предъ гробомъ, ѣтимъ строгимъ судьей земныхъ дѣлъ человѣка?

Можетъ быть и трудно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ, еслибы мы стояли у гроба того ученаго, кто всю жизнь свою изучалъ тѣло и кости человѣка, изучалъ явленія природы, строилъ фабрики и машины. Но предъ нами гробъ человѣка, всю жизнь служившаго богословской наукѣ и высшей духовной школѣ. А служить богословской наукѣ и духовной школѣ, значитъ — служить Христовой Церкви. Богословская наука не создаетъ вѣры, но она уясняетъ и укрѣпляетъ вѣру, а высшая духовная школа даетъ необходимыхъ для дѣла церковнаго просвѣщенныхъ служителей. Поэтому служить Академіи значитъ—служить Церкви. Кто же дерзнетъ

и предъ лицомъ смерти и гроба назвать суетой служеніе Церкви? Апостоль Павелъ научаетъ насъ и въ день суда ожидать отъ Господа вѣнца правды за церковное служеніе (2 Тим. 4, 5—8).

Оставимъ эти общія разсужденія и перейдемъ къ почившему. Можно ли о немъ сказать, что дѣломъ жизни своей онъ служилъ Церкви? Онъ изслѣдовалъ историческія судьбы Христовой Церкви. На пути церковнаго историка лежитъ одно большое искушеніе. Съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло въ своихъ научныхъ работахъ? Онъ съ холоднымъ вниманіемъ ученаго подходитъ къ тѣмъ историческимъ лицамъ, изображенія которыхъ христіане привыкли видѣть на святыхъ иконахъ. Предъ этими иконами во храмахъ мы совершаемъ кажденіе и, сотворивъ поклоненіе, благоговѣнно ихъ лобызаемъ. Въ этомъ и лежитъ искушеніе для церковнаго историка. Своимъ научнымъ изслѣдованіемъ онъ можетъ оскорбить предметъ поклоненія временъ и народовъ. Есть и такая церковная исторія, отъ которой холодно становится вѣрующему сердцу. Нашъ почившій церковный историкъ въ послѣдніе годы изслѣдовалъ работу древне-церковной богословской мысли надъ уясненіемъ основныхъ догматовъ христіанской вѣры, онъ писалъ и говорилъ о догматическихъ движеніяхъ во времена первыхъ двухъ вселенскихъ соборовъ. Объ этихъ движеніяхъ много писали и пишутъ историки, чуждые Церкви. Во что же обращаются у этихъ внѣ-церковныхъ историковъ догматическія движенія древней Церкви? Для нихъ эти движенія были борьбой философскихъ направленій, увлеченіемъ церковной іерархіи діалектикой, иногда просто борьбой разныхъ вліяній и личныхъ самолюбій.

Что же нашъ академическій церковный историкъ? Преодолѣлъ ли онъ указанное искушеніе церковнаго историка?

Долгіе годы онъ изучалъ догматическія движенія древней Церкви. Знакомился съ трудами внѣ-церковныхъ ученыхъ, часто работалъ однимъ съ ними методомъ. Прошли долгіе годы работы. Написаны цѣлыя книги. Остается нашему академическому ученому выразить сущность всего того, что онъ узналъ, сказать свое послѣднее слово. Не могъ я безъ особаго трепета сердечнаго читать этого послѣдняго слова

нашего почившаго историка и не могу не вспомнить его около этого гроба. Чтò же онъ сказалъ? Въ чемъ указалъ онъ намъ душу всѣхъ догматическихъ движеній древней Церкви? Вотъ его послѣднее слово: „Это была борьба двухъ до крайности противоположныхъ воззрѣнй на Христа,— мистически-религіознаго, въ которомъ Онъ являлся источникомъ жизни, спасенія, безсмертія и обоженія; и рационалистическимъ, гдѣ Христось представлялся лишь обоже- ствленнымъ Учителемъ и моральнымъ примѣромъ для своихъ послѣдователей. Вопросъ шель въ сущности о томъ, останется ли въ будущемъ христіанство религіей со всей совокупностью его свѣтлыхъ вѣрованій и мистическихъ упованій или оно разрѣшится въ простую философію съ религіознымъ отгѣнкомъ, какихъ не мало было въ то время.

Въ непопятныхъ памъ и чуждыхъ по формѣ безконечныхъ разсужденіяхъ о сущности и ипостаси рѣшался радикальный вопросъ не только о будущемъ христіанства, по и о судьбѣ всякой вѣрующей души“ (Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ. Сергіевъ посадъ, 1906, стр. 200). Вотъ что такое были догматическія движенія древней Церкви! Вотъ о чемъ ратовали святые отцы на вселенскихъ соборахъ! Церковь отстаивала истину единосущія Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, она отстаивала Божественное достоинство своего Основателя и Спасителя человѣчества, она защищала истину нашего дѣйствительнаго спасенія, она сохраняла для человѣчества смыслъ его жизни, ибо нѣтъ смысла жизни безъ пришествія на землю Единороднаго Сына Божія, единосущаго Богу Отцу. Эту основную истину христіанства, которую уясняла и облекала въ гранитъ догмата Церковь четвертаго вѣка, нашъ почившій историкъ сравнивалъ съ высочайшими прозрѣніями истины въ естественной человѣческой мысли того времени, въ философіи неоплатонической, и признавалъ, что вершины мысли человѣческой не достигаютъ до тѣхъ истинъ, какія на вселенскихъ соборахъ возгласили „Божественнаго Духа трубы“. „При всемъ формальномъ сходствѣ между неоплатонизмомъ и христіанствомъ, въ ихъ конечныхъ итогахъ, въ самомъ существѣ ихъ ученія обнаруживается громадная разница“.

(стр. 650). „Основной пунктъ христіанской религіи,—непоколебимая вѣра въ то, что вторая Ипостась Св. Троицы въ опредѣленный моментъ исторіи человѣчества сошелъ на землю, сдѣлался человѣкомъ, открывъ людямъ тайны Царства Божія, основалъ Свою Церковь на землѣ, пострадалъ за грѣхи рода человѣческаго, побѣдилъ смерть и воскресъ изъ мертвыхъ, открывъ людямъ путь къ богоуподобленію и обожествленію не только по душѣ, но и по тѣлу,—этотъ пунктъ, лежавшій въ качествѣ внутренняго мотива въ основѣ всѣхъ тринитарныхъ движеній, составлялъ исключительную особенность христіанскаго вѣроученія, совсѣмъ недоступную понятіямъ даже самыхъ возвышенныхъ и лучшихъ людей эллинизма. И при всемъ сходствѣ между нравственнымъ ученіемъ неоплатонизма и христіанства, этотъ пунктъ вносилъ коренное различіе въ самое поле нравственнаго міросозерцанія, замѣняя пессимизмъ, повольно просвѣчивавшій въ неоплатонизмѣ, возвышеннымъ и духовнымъ оптимизмомъ“ (стр. 651).

Такъ преодолѣлъ нашъ академическій церковный историкъ всѣ искушенія и послѣ долгаго ученаго труда сказалъ намъ великую и отрадную истину о нашемъ спасеніи въ воплощеніи Сына Божіею. Конечно, эту истину знаетъ каждый, кто въ Церкви, но нашъ историкъ подробно, чѣмъ кто либо другой, рассказалъ намъ о томъ, какъ Церковь подвизалась за эту истину, какъ она спасала утѣшеніе и радость всего рода человѣческаго. Ученые труды почившаго ставятъ на исключительную высоту церковную истину и всѣмъ убѣдительно говорятъ, что нѣтъ нигдѣ человѣку полной радости и полного блаженства безъ Богооткровенной церковной истины. Безъ этой истины неизбежный удѣлъ и лучшаго изъ людей — пессимизмъ, тоска, страданіе и отчаяніе. А церковная истина, какъ говорилъ о ней и почившій историкъ, примиряетъ человѣка и съ его послѣднимъ врагомъ—съ гробомъ и смертью. Единородный Богу Отцу Божій Сынъ приходилъ на землю. Спасеніе наше совершено. Даровано нетлѣніе и безсмертіе. Мракъ могилы разсѣялся для христіанина. Пусть гробъ и могила остаются неизбежнымъ путемъ всея земли. Но чрезъ врата смерти и ада, нося и наше человѣческое

естество, прошелъ побѣдителемъ Новый Адамъ Христось, и, когда человекъ подходитъ къ мраку могилы, для него сіяетъ свѣтъ воскресенія и заря немеркнущаго вѣчнаго дня Христова царства.

Такъ, братіе, оставшіеся намъ въ наученіе и назиданіе ученые труды почившаго церковнаго историка не становятся суетой даже и предъ судомъ смерти, потому что они могутъ насъ примирять съ гробомъ и могилой.

Да будетъ же нынѣ наша молитва ко Господу о томъ, чтобы не лишилъ Онъ почившаго тѣхъ свѣтлыхъ упований, какія самъ же почившій считалъ существомъ вѣры христіанской, доказывая эту истину ученымъ домъви гоп своей земной жизни!

Рѣчь студента Н. А. Соловьева.

Пѣснопѣнія чина христіанскаго погребенія, трогательныя напѣвы которыхъ услышимъ мы сейчасъ, особенно ясно заставляютъ *почувствовать* то духовное настроеніе, которымъ жила Церковь въ первые вѣка своей исторіи. Церковь, основанная смертью Христа, созидалась на костяхъ мучениковъ. Призракъ смерти постоянно виталъ надъ общинами первыхъ христіанъ. Смерть была, но не было страха смерти. Грусть о концѣ земной жизни заглушалась безграничной вѣрой въ воскресеніе. Смерть отрицаетъ жизнь, но вѣра первыхъ христіанъ отрицала смерть и давала залогъ новой жизни. Оправдывались слова Христа: „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, ибо у Него всѣ живы“ (Лк. 20, 38).

Если это жизнерадостное настроеніе особенно ясно *чувствуется* при звукахъ пѣснопѣній чина христіанскаго погребенія, то *сознается* оно лишь при знакомствѣ съ исторіей первохристіанства. Надо *знать* жизнь первыхъ христіанъ, чтобы понять ихъ постоянную жизнерадостность, которая и донынѣ палагаетъ особенную печать на всѣ стороны церковной жизни.

И это знаніе далъ намъ своими вдохновенными лекціями почившій профессоръ.

Сейчасъ, при гробѣ, какъ то особенно живо вспоминаются тѣ искреннія товарищескія бесѣды, которыя вели, мы, студенты, послѣ чтенія лекцій Анатолія Алексѣевича. Да и было о чемъ говорить! До лекцій А. А. мы не знали церковной исторіи. Было знаніе историческихъ фактовъ, но не было пониманія того духа, которымъ живетъ христіанство, и отъ этого знанія наши казались лишними, скучными. Но вотъ мы отъ сухихъ учебниковъ перешли къ лекціямъ почившаго профессора, и то, что казалось лишнимъ, ненужнымъ, получило глубокой жизненный смыслъ. Мы чувствовали то же, что чувствуетъ человѣкъ, когда изъ душиной комнаты попадетъ въ садъ, полный живыхъ благоухающихъ цвѣтовъ. Мы увидѣли живую церковную жизнь. Христіанскіе мученики, съ улыбкой на устахъ умиравшіе отъ рукъ палачей, пастыри, подававшіе примѣръ героизма своимъ пасомымъ, вся жизнь Церкви предстала предъ нами во всемъ своемъ величій, заставляя задуматься надъ ней и учиться у тѣхъ, кто ею руководилъ. Образы святого Аеанасія Великаго и другихъ св. оо., начерченные рукою почившаго профессора, навсегда останутся въ умѣ и сердцѣ его учениковъ, а вмѣстѣ съ образами и тѣ идеи, которыми жили святые отцы и которыми донинѣ живетъ Православная Церковь.

Дорогой учитель! Сейчасъ пѣтъ здѣсь всѣхъ студентовъ, которые могли бы своимъ присутствіемъ и молитвами показать тебѣ свою благодарность. Но знай, что, отсутствуя тѣломъ, они духомъ своимъ находятся около этого гроба. Всѣ мы, твои ученики, возпросимъ Богу молитву, чтобы далъ Онъ тебѣ небесное царство и на землѣ—вѣчную память.
